

Концепция социетальной трансформации российского общества Т.И.Заславской: история, развитие, прогностический потенциал

Аннотация

В статье представлена эволюция научных интересов Т.И.Заславской и раскрыты предпосылки создания концепции социетальной трансформации российского общества. Изложены основные идеи и структурные компоненты данной концепции. На основе анализа трудов Т.И.Заславской выявлен прогностический потенциал концепции. Сделан вывод о том, что концепция социетальной трансформации российского общества Т.И.Заславской дает целостное представление о современных трансформационных процессах, их движущих силах и механизмах, намечает пути к созданию фундаментальной теории социальных изменений в трансформирующихся постсоветских обществах.

Ключевые слова: *Т.И.Заславская, деятельностно-структурная концепция социетальной трансформации российского общества, история создания и развития, прогностический потенциал*

Среди множества научных трудов, посвященных различным аспектам исследования постсоветской трансформации, в последние годы особое место занимает деятельностно-структурная концепция социетальной трансформации российского общества Т.И.Заславской. Ее подход к решению проблемы теоретико-методологического обоснования структурных изменений в постсоветском социальном пространстве отличают последовательность, системная концептуализация и эмпирическая верифицируемость основных концептуальных положений. Во многом это обусловлено исследовательским опытом Т.И.Заславской, накопленным при изучении социальных процессов, предшествовавших кардинальному изменению общества в период развала СССР и становления на его руинах суверенных постсоветских государств.

Возрождение интереса к социологии в СССР в 1960–1970-х годах повлияло на направление исследований Т.И.Заславской: сфера ее научных интересов постепенно расширилась от частных экономических проблем села до всего комплекса социально-экономических проблем аграрного сектора общества. Одновременно шла интенсивная работа по институционализации нового для того времени направления социологической науки — экономической социологии.

Начиная с 1983 года сферой научных интересов Т.И.Заславской являлись проблемы качественной трансформации общества в целом. Научный интерес к проблемам трансформации советского общества отражен в многочисленных трудах Т.И.Заславской. Автор разграничивала их на два больших периода. В 1983–1995 годах ее статьи, интервью, доклады на конференциях в основном были посвящены процессу перестройки в постсоветской России. Сама Т.И.Заславская объединила их под общим названием “Перестройка и экономические реформы” [Заславская, 2007а: т. 2, с. 5–174]. В 1996–2004 году была собственно создана концепция трансформационного процесса в России. Творческий поиск автора нашел отражение в фундаментальном труде “Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция” [Заславская, 2002а].

В 70-х годах прошлого столетия в СССР началось проведение массовых социальных исследований, были достигнуты значительные результаты не только содержательного, но и методологического характера [Ядов, 1968]. Т.И.Заславская вместе с Р.В.Рывкиной считали важным для повышения методологической культуры социальных исследований обоснование принципов разработки программы конкретного социологического исследования. Они полагали, что “детально разработанные программы исследований, содержащие теоретическую схему изучаемого явления, формулировку задач и гипотез, обоснование используемых методов сбора, обработки и анализа материала в современных условиях, имеют не меньшую (если не большую) научную ценность, чем конкретные результаты того или иного исследования, описывающие определенную сферу социальной действительности” [Заславская, 2007в: т. 2, с. 461]. Программа, в понимании Т.И.Заславской, — это особый вид описания исследования на стадии его планирования. Наиболее важными аспектами разработки программы социологического исследования она считала: функции программы; ее структуру, т.е. необходимые и достаточные элементы, а также способы их увязки друг с другом, необходимая степень детализации программы исследования на стадии ее разработки; специфику программ, предназначенных для научных и прикладных исследований разного масштаба и типа, для изучения разных по содержанию социальных явлений.

Исходя из внутренних и внешних функций программы, была предложена общая схема программы конкретного социологического исследования. В настоящее время содержание этой схемы является общепризнанным. Т.И.Заславская считала важным концептуальное обоснование типа и метода построения выборки. Для социологического исследования “значение правильно составленной, т.е. экономичной и в то же время репрезентативной, выборки трудно переоценить” [Заславская, 2007в: т. 2, с. 505]. Вопрос о типе выборки возникает по отношению к каждому типу единиц наблюдения. На примере изучения трудовой миграции было показано, что если из-

учение проводится на одном-двух предприятиях, то применима одноступенчатая выборка. Организация такого рода исследований не представляет особой сложности, но их научная значимость невелика. Для крупных исследований трудовой мобильности характерна многоступенчатая выборка, в процессе построения которой сперва отбираются единицы наблюдения более высокого уровня, а в рамках их — уже индивиды. С научной точки зрения самыми “многообещающими” выборками, по мнению Т.И.Заславской, являются выборки, районированные не по одной, а по целому набору переменных, то есть базирующиеся на многомерных распределениях. Трудность их применения обусловлена их неустойчивостью, что осложняет получение статистических оценок, на основе которых рассчитывается погрешность выборки. Разработанная Т.И.Заславской и Р. В. Рывкиной схема была обсуждена в 1967 году на совместном заседании научного совета по конкретным социальным исследованиям при Президиуме АН СССР и правления ССА, в основном одобрена и рекомендована для практического использования.

Переломным моментом, который для Т.И.Заславской в начале 1980-х годов послужил стимулом к изучению социетального контекста развития аграрного сектора СССР, стала разработка исследовательского проекта “Социальный механизм развития экономики (на примере АПК)”, научным руководителем которого она являлась. Целью проекта было обоснование программы социально-экономических преобразований в аграрном секторе. Однако исследования показали, что перманентный кризис в функционировании АПК и то, что село оставалось самым отсталым элементом социальной структуры общества, не являются частными явлениями. Идея необходимости принципиальной перестройки советского общества и исходные представления о связанных с нею научных задачах были изложены в докладе “О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии” [Заславская, 2002б: с. 18–40]. Были сделаны выводы о том, что действующая на тот момент система производственных отношений существенно отстала от уровня развития производительных сил; необходима существенная перестройка системы государственного управления: отказ от административных методов управления и переход к экономическим методам регулирования производства. По мнению Т.И.Заславской, модель производственных отношений, которая бы соответствовала уровню развития производительных сил, должна была учитывать сложность, многомерность и возможную конфликтность интересов действующих в экономике групп, закономерности их поведения и взаимодействия, а также содержание их диалога с социальными институтами и органами управления экономикой. Разработка же стратегии перестройки этой модели предполагает “знание социального положения, потребностей, интересов, реального и потенциального поведения тех общественных групп, которые могут существенно влиять на ход преобразований” [Заславская, 2002а: с. 33]. При этом важным является учет социально-экономического сознания социальных групп, характера их ценностных ориентаций, уровня развития и структуры потребностей, содержания и способов выражения интересов.

В данном исследовании процесс развития социалистической экономики был представлен как результат взаимодействия общественных групп, связанных отношениями сотрудничества, но имеющих разные интересы. Акцент был сделан на значении социального механизма развития экономики. Под социальным механизмом развития экономики Т.И.Заславская по-

нимала “устойчивую систему взаимодействий общественно-экономических групп по поводу производства человеческой жизни, использования природной среды, создания и потребления материальных благ и услуг” [Заславская, 2002б: с. 34]. Движущей силой этого механизма выступает противоречие между уровнем развития производительных сил и состоянием производственных отношений, которое находит конкретное выражение в интересах общественно-экономических групп. Социально-экономический механизм развития экономики имеет сложное строение: он состоит из множества взаимосвязанных, но относительно самостоятельных частных механизмов социально-экономического воспроизводства. Именно совершенствование социального механизма развития экономики Т.И.Заславская считала ключом к решению актуальных проблем советской экономики.

Таким образом, уже в данном докладе Т.И.Заславская сформулировала основы концепции социетальной трансформации общества на примере развития экономики. Несмотря на то, что они изложены в терминах “перестройки”, уже тогда была выдвинута идея о взаимосвязи социально-групповой структуры общества с функционированием его социальных институтов и качеством человеческого потенциала (в более поздней терминологии), а также ею было дано определение социального механизма развития социалистической экономики. По свидетельству самой Т.И.Заславской, ее научные интересы со времени опубликования “Новосибирского манифеста” “переключились с проблем аграрного сектора на проблемы качественной трансформации общества в целом” [Заславская. 2002б: с. 12].

Практически отсутствующая в 1980-е годы в СССР надежная эмпирическая база не позволяла Т.И.Заславской в полной мере исследовать процессы социальных изменений. На волне “перестройки” начала бурно развиваться социологическая наука. В 1988 году было опубликовано постановление ЦК КПСС “О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества”, согласно которому социология приобрела права самостоятельной науки. Ранее, в декабре 1987 года, было подписано Постановление Президиума ВЦСПС и Госкомтруда СССР “О создании Всесоюзного центра изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам”, во главе которого стала академик Т.И.Заславская [Грушин, 2008: с. 18–24]. Ознакомившись с опытом изучения общественного мнения в Венгрии, Польше и других социалистических странах, побывав в Институте демоскопии в ФРГ, который возглавляла Э.Ноэль-Нойман, Т.И.Заславская вместе с Б.А.Грушиным, Ю.А.Левадой, Л.Д.Гудковым, Б.В.Дубиным и другими учеными [Заславская, 2007в] приступила к работе по созданию ВЦИОМ как общесоюзного центра проведения массовых опросов, ибо “не представляла себе, как можно управлять нестабильным, активно реформируемым обществом без надежной обратной связи, которая информировала бы реформаторов о том, как воспринимают эти реформы разные группы людей и как меняется их положение” [Заславская, 2008: с. 15]. Она считала создание такого Центра признаком цивилизованности страны, “элементом действительно демократического управления” [Заславская, 1999: с. 152]. Т.И.Заславская руководила ВЦИОМ до 1992 года, затем была избрана его почетным Президентом, а после ухода из ВЦИОМ команды Юрия Левады — почетным Президентом Аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центр с 2004 года).

Под руководством Т.И.Заславской в марте 1993 года началась реализация основной исследовательской программы “Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены”, вышел в свет сначала информационный, а затем научно-аналитический журнал [Левада-Центр, s.a.].

Были разработаны основные принципы проекта, его методология и методика. Т.И.Заславская понимала мониторинг как “некоторую целостную систему отслеживания происходящих в обществе перемен на основе исследования и анализа массовых представлений о них” [Социологический мониторинг, 1994]. Научные задачи мониторинга она подразделяла на две группы. Первой из них являлось отслеживание и анализ трендов в системе социально-экономических отношений; динамики условий и уровня жизни различных общественных групп; изменения их ценностных ориентаций, потребностей, взглядов и настроений; отношение к политике государства. Более сложным типом задач она считала такие, которые были связаны с проверкой альтернативных гипотез дальнейшего развития российского общества, например определение типа формирующейся в России экономической системы. В эмпирической проверке нуждались также гипотезы о сдвигах в социальной структуре общества: трансформации правящей элиты, формировании среднего класса, люмпенизации массовых групп населения. В проверке нуждались также гипотезы некоторых ученых о распространении кризисного типа массового сознания, о его расколотости между традиционными и либеральными ценностями, о нравственном и мировоззренческом кризисе общества и тому подобное.

Была разработана структура мониторинга, в рамках которой получила теоретическое обоснование и прошла эмпирическую проверку система социальных индикаторов. Эта система охватывала политическую, экономическую, социальную и духовно-культурную сферы жизнедеятельности общества. Она содержала индикаторы социокультурных установок и взглядов, общего социального самочувствия, политических мнений и предпочтений, оценок социально-экономической ситуации, прогноза ожидаемых перемен, реального и ожидаемого поведения людей. Каждая группа индикаторов была операционализирована в форме вопросов анкет. Методологически важным для анализа динамики социальных процессов являлась стабильность системы индикаторов, хотя совокупность вопросов, конкретизирующих эту систему, развивалась и совершенствовалась на протяжении всего существования мониторинга. Особое внимание уделялось проектированию репрезентативной выборки, так как общий масштаб выборки ограничивался, с одной стороны, финансированием, а с другой — техническими мощностями ВЦИОМа. Основными требованиями к получаемой информации были ее оперативность, регулярность и достоверность.

Практическая реализация проекта всероссийского социологического мониторинга была задачей невероятной сложности. Под руководством Т.И.Заславской была создана организационная структура мониторинга. Директорами направлений являлись Л.Д.Гудков, Л.Г.Зубова, З.В.Куприянова, Ю.А.Левада, Р.В.Рывкина, исполнительным директором — Л.А.Хахулина. Были созданы региональные отделения и аналитические центры, опросная сеть в масштабах страны, подразделения по сбору и обработке информации, мощная техническая база, а также компетентный методологический контроль за реализацией проекта.

Основным результатом реализации проекта всероссийского мониторинга явилась надежная эмпирическая база для исследования процессов, отражающих политические и социокультурные условия, прямые социальные результаты и положительные или отрицательные последствия преобразования общественно-экономической и политической системы трансформирующейся России. Эта база, по замыслу ученых, должна была способствовать повышению эффективности управленческих решений, направленных на смягчение негативных последствий резких социальных изменений в российском обществе. Более двадцати лет этот проект является источником достоверной социологической информации для ученых России и других стран.

Динамика социально-экономического и социально-политического развития постперестроечных процессов в России требовала научного анализа и осмысления. Марксистская парадигма не объясняла новых явлений; для формирования новой методологии требовались усилия и время. В кризисной ситуации оказались фундаментальные исследования, которые требовали немалых затрат. Т.И.Заславская в 1993 году становится сопредседателем Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентра), который был создан по инициативе профессора Манчестерского университета Теодора Шанина и при материальной поддержке Джорджа Сороса.

Одним из основных направлений деятельности Интерцентра начиная с 1993 года было проведение ежегодных сессий международного симпозиума “Куда идет Россия?..”, постоянным Президентом которого являлась Т.И.Заславская. Формированию междисциплинарного, более глубокого осмысления посткоммунистических трансформационных процессов способствовало участие в этих симпозиумах представителей различных общественных наук: историков, правоведов, социологов, экономистов, политологов, культурологов, философов и др. Ответственным редактором междисциплинарных сборников научных трудов, одним из постоянных авторов этой своеобразной коллективной хрестоматии по современным проблемам и перспективам развития российского общества была Т.И.Заславская. На протяжении десяти лет последовательно обсуждались наиболее актуальные теоретические и практические проблемы, возникавшие на пути постсоветского развития России и других стран, возможные и вероятные альтернативы общественного развития. При участии российских, украинских, белорусских, казахских, армянских и западных ученых была сделана попытка исследования наиболее общих проблем социальной трансформации постсоветского пространства, а также выявить особенности трансформации российского общества в сравнении с аналогичными процессами в странах Центральной и Восточной Европы и Латинской Америки.

На пленарных заседаниях и секциях обсуждались общие проблемы социального развития России (социально-экономические отношения власти и бизнеса, структура и динамика социальных неравенств, проблемы социальной политики, социального управления), а также место современных реформ в контексте институционального развития России на протяжении XX века. В центре внимания участников симпозиума были тенденции исторического развития отношений власти, общества и личности в России, а также динамика этих отношений в период либеральных реформ. Был сделан вывод о том, что при некотором расширении политических прав и свобод россиян наблюдалось существенное сужение прав и свобод социально-экономических. Анализ социальных сил российского общества как макросубъек-

та модернизационных процессов засвидетельствовал повсеместное распространение неправовых практик, которые реализуются не только в сфере экономики, но и в политике, социальной сфере и в культуре. Сложившаяся ситуация потребовала более детального изучения соотношения формальных институтов и реальных практик, оценки структуры социальных практик в трансформирующемся обществе при наличии формальных норм. Были подведены промежуточные итоги трансформации российского общества. По мнению Т.И.Заславской, институциональная структура общества стала принципиально иной, формально-правовая основа базовых социальных институтов России приобрела более либеральные и демократические черты, ускорился процесс адаптации россиян к новым институциональным условиям [Заславская, 2003: с. 393–394].

На протяжении всех этих лет Т.И.Заславская, оперативно реагируя на социальные изменения в России, создавала свою концепцию социетальной трансформации общества; отстаивая принципиальную жизненную позицию, участвовала в политической жизни страны, вела преподавательскую деятельность, способствовала развитию социологической науки в России.

Социологи Украины неоднократно обращались к изучению концепции социетальной трансформации общества Т.И.Заславской. С.С.Бабенко опиралась на ее выводы при исследовании социальных механизмов трансформации постсоветского общества и разработке программы магистерского курса “Сравнительный социологический анализ посткоммунистических трансформационных процессов” [Бабенко, 2004а; 2005; 2007]; О.Д.Куценко творчески развивала ее положения в своей концепции классообразования и при анализе путей системных трансформаций в бывших странах государственного социализма [Куценко, 2001; 2004]; Т.О.Петрушина ссылалась на ее труды, изучая социально-экономическое поведение населения Украины в условиях институциональных перемен [Петрушина, 2008]; А.С.Резник, в частности, рассматривал факторы, субъекты и способы реализации гражданских практик в переходном обществе сквозь призму ее концепции [Резник, 2011].

Изучая труды Т.И.Заславской, можно достаточно точно определить временные рамки создания ею социологической концепции социетальной трансформации российского общества. Как было указано ранее, 1983 год — опубликование “Новосибирского манифеста” — оказался переломным в научных интересах Т.И.Заславской. Основные положения концепции были изложены ею в многочисленных статьях и материалах симпозиума “Куда идет Россия?”, им посвящена отдельная монография [Заславская, 2004]. Опубликование в 2007 году “Избранного” в трех томах, особенно второго тома “Трансформационный процесс в России: в поисках новой методологии”, можно считать завершением работы над созданием целостной концепции.

По мнению Т.И.Заславской, суть преобразовательного процесса, происходившего в то время в России, нельзя определять как переход (транзит). “Применительно к обществу переход предполагает существование, во-первых, сильной власти, руководящейся конкретной идеей, во-вторых, авторитетной команды, преследующей ясную и реалистическую цель, опирающуюся на обоснованную программу действий и пользующуюся широкой поддержкой граждан. Причем цели этой команды должны соответствовать интересам общества, а программа — имеющимся у него возможностям” [Заславская, 2004: с. 196]. Достаточно убедительным был и вывод Т.И.Заславской о том, что в России ни одно из этих условий не было выполнено.

В то время в России властью уже были предприняты шаги (как в социально-экономической, так и в социально-политической сфере) в направлении от относительно либерального к авторитарному режиму управления. К процессу, который в действительности происходил в России, по определению Т.И.Заславской, более применимо понятие спонтанной трансформации общественного устройства: “Под социальной трансформацией понимается обусловленное внешними факторами и внутренней необходимостью постепенное, не связанное со сменой правящей элиты, но в то же время радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы, или социетального типа общества” [Заславская, 2004: с. 197]. Основными характеристиками этого процесса являются:

- постепенный и относительно мирный характер протекания;
- направленность на изменение сущностных черт, определяющих социетальный тип общества: институциональной системы, социальной структуры и человеческого потенциала как обобщающего показателя личностного фактора развития общества;
- принципиальная зависимость хода и результатов процесса от деятельности и поведения массовых общественных групп;
- слабая управляемость и предсказуемость процесса, неопределенность итогов, чувствительность к влиянию стихийных факторов;
- неизбежность, длительность и глубина аномии вследствие распада старых общественных институтов и несформированности новых.

Теоретические положения концепции Т.И.Заславской разработаны с позиций деятельностно-структурной парадигмы, являющейся одной из активно развивающихся социологических моделей решения проблемы трансформации общества. Согласно определению, данному О.Д.Куценко, “данная парадигма строится на понимании фундаментальной для общества роли социальных действий, их подвижной структурной обусловленности и важнейшей роли самоорганизационных процессов в динамике общества” [Куценко, 2002: с. 49]. В концепции Т.И.Заславской первичным является деятельностный фактор социальных изменений. Структурные факторы, по мнению автора, ограничивают трансформационную активность субъектов, одновременно являясь ее результатом.

Объектом исследования в концепции Т.И.Заславской выступают посткоммунистические трансформационные процессы как совокупность процессов, принципиально меняющих социетальное устройство посткоммунистических обществ. В своей концепции социетальной трансформации общества Т.И.Заславская отдавала предпочтение термину “посткоммунистические трансформации” перед термином “постсоциалистические”, ввиду того что общества, принадлежавшие к “мировой социалистической системе”, нельзя считать социалистическими в научном смысле слова, в то время как монополистическая власть коммунистической партии была для них одним из главных типологических признаков [Заславская, 2004: с. 73]. Она не определяла трансформационные процессы российского общества отдельной категорией. Откликаясь на призыв известного чешского социолога П.Махонина о создании общей теории посткоммунистических трансформаций [Machonin, 1997], Т.И.Заславская сконструировала типологическое пространство, которое вмещает в себя траектории сущностной трансформации посткоммунистических обществ, какими бы разными эти общества ни казались на первый

взгляд. Для этого были определены социетальные характеристики посткоммунистических обществ, которые служат ключевыми объектами трансформации. Трансформационные процессы, изменяющие эти характеристики, в свою очередь, отличаются от социальной динамики большей глубиной и системностью. Они меняют саму основу, природу общества.

Системное представление о трансформации современных обществ предполагает изучение их движения одновременно по трем осям [Социальные трансформации, 2008].

Первой составляющей трехмерного пространства посткоммунистических трансформаций является эффективность функционирования социальных институтов. И “наибольшее влияние на определение социетального типа того или иного общества оказывает качество четырех базовых институтов:

- степень легитимности, демократичности и эффективности власти;
- структура, развитость, легитимность и защищенность собственности;
- многообразие и зрелость структур гражданского общества;
- широта и надежность прав и свобод человека” [Заславская, 2004: с. 120].

Об эффективности трансформаций в этой сфере можно судить по тому, насколько успешно продвигается *целенаправленное* реформирование перечисленных базовых институтов, насколько успешно совокупность социальных институтов выполняет свои основные функции в посткоммунистических обществах. Главным же критерием качества институциональной системы можно считать ее адаптационную способность, то есть способность общества конструктивно и своевременно отвечать на глобальные вызовы современности, на изменение геополитических и экономических условий, а также способность решать проблемы, связанные с природными и социальными катаклизмами.

Второй осью социетального пространства, сконструированного Т.И.Заславской, является качество социально-групповой структуры. Под социально-групповой структурой в данном контексте имеется в виду социально-групповой аспект общественного устройства, в отличие от социальной структуры в широком смысле, включающей и его институциональный аспект. Связь обеих структур выражается в том, что социально-групповая структура определяется системой ролей и статусов, порожденной институциональной моделью общества.

Оценкой эффективности функционирования социально-групповой структуры социетального пространства обществ, находящихся в состоянии посткоммунистических трансформаций, может служить соотношение позитивных функций и негативных последствий (например, закрепление отношений неравенства) сравниваемых социально-групповых структур.

Третьей осью социетального пространства трансформационных процессов является уровень человеческого потенциала. В 2007 году Т.И.Заславская писала: “...уровень человеческого потенциала общества я рассматриваю как самую глубинную и наиболее важную ось такого пространства” [Заславская, 2007*: с. 316].

В концепции социетальной трансформации посткоммунистического общества Т.И.Заславской “под человеческим потенциалом следует понимать фактор жизнеспособности общества (страны, государства), интеграль-

но характеризующий его человеческие ресурсы как субъекта собственного воспроизводства и развития” [Заславская, 2004: с. 168].

Человеческий потенциал общества является феноменом интегральным. Его структуру составляют относительно самостоятельные, однако взаимосвязанные элементы. Это социально-демографический, социально-экономический, социокультурный и деятельностный потенциалы. Они по-разному характеризуют способность и готовность общества к саморазвитию, ответу на вызовы современности. Т.И.Заславская считала базовой характеристикой социетальной трансформации именно динамику человеческого потенциала [Заславская, 2005а; 2005б], которая позволяет судить об успешности или провале проводимых реформ и структурных преобразований. Показатели развития человеческого потенциала можно использовать как для оценки социальной динамики отдельно взятого общества, так и для сравнения различных обществ, например российского и украинского, имеющих общую “точку отсчета” в трансформационном процессе.

Центральным, основным понятием социологической концепции Т.И.Заславской является социальный механизм трансформационного процесса. Необходимо отметить, что российские и украинские социологи по достоинству оценили научную ценность данного понятия, используя и развивая его в своих исследованиях [Бабенко, 2004б; Шабанова, 2004].

Уже в 1991 году в работах, посвященных проблемам развития советской экономики, Т.И.Заславская предложила и использовала категорию “социальный механизм развития экономики”. Эту категорию автор определила как “устойчивую систему поведения социальных групп, а также взаимодействий этих групп друг с другом и с государством по поводу производства, распределения, обмена материальных благ и услуг; систему, регулируемую, с одной стороны, социальными институтами данного общества (партией, государством, хозяйственным механизмом, институтами культуры и идеологии), с другой – социально-экономическим положением и созданием самих этих групп” [Заславская, 1991: с. 59–61].

В 1995 году Т.И.Заславская впервые опубликовала свою теоретическую схему механизма социально-экономической трансформации российского общества. Эта схема явилась промежуточным этапом разработки общей аналитической схемы социального механизма трансформации посткоммунистических обществ. Она считала процесс социальной трансформации российского общества более объемным, чем простая совокупность процессов преобразования отдельных институтов общества. Механизм этого процесса должен включать в себя “субъектов, иницилирующих социальную трансформацию общества, содержание их социальных действий, а также взаимосвязь этих целенаправленных действий с массовыми процессами, вызывающими сдвиги в институциональной и социальной структурах общества” [Заславская, 1995: с. 7].

Работа по созданию аналитической схемы социального механизма трансформационного процесса, которая позволила раскрыть строение и принципы его функционирования, была завершена в 2002 году (см. схему в статье М.Шабановой в этом номере журнала) [Заславская, 2002а: с. 10]. С помощью этой схемы можно выявить, “каким образом действия социальных акторов микроуровня меняют макрохарактеристики общества и как из-

менения этих характеристик, в свою очередь, воздействуют на жизнь и деятельность микроакторов” [Заславская, 2002б: с. 9].

Системным или результативным можно назвать блок А указанной схемы. Он дает целостное представление о социальной природе и жизнеспособности общества. Т.И.Заславская обосновала, что он в полной мере вмещает в себя социетальные характеристики конкретного трансформирующегося общества, изучаемого в определенный момент времени. Анализ данного блока в динамике позволяет оценить социетальные сдвиги, происходящие в данном обществе с развитием процесса трансформации.

То, каким образом трансформируется социетальный тип общества, раскрывает содержание блока В. Для его анализа Т.И.Заславская разработала понятие “трансформационная активность”, охватывающее “всю совокупность таких действий социальных акторов разного уровня и разного типа (индивидов, организаций и групп), которые либо непосредственно вызывают, либо косвенно влекут за собой значимые сдвиги в общественном устройстве и/или человеческом потенциале общества” [Заславская, 2002а: с. 9]. Причем трансформационная активность амбивалентна как по отношению к социальному прогрессу, так и к морали и праву, включает в себя ненормативные или даже деструктивные виды трансформационной деятельности и поведения.

Особое место в предложенной схеме занимает Блок Б, называемый автором “переходным”, отражающий массовые процессы, изменяющие базовые социальные практики. По мнению Т.И.Заславской, “он “скрывает в себе” тайну преобразования социальных действий множества микроакторов в макропроцессы и, вместе с тем, выглядит “черным ящиком”, содержание которого неизвестно. Выяснить его суть – значит понять конкретный механизм “переработки” индивидуальных и коллективных действий в макропроцессы” [Заславская, 2002а: с. 9, 11].

Блок Г социального механизма имеет сложное строение, Т.И.Заславская в целях упрощения схемы представляет его как целостный элемент, обозначая как трансформационную структуру общества. Этим термином “обозначается система социальных субъектов макро-, мезо- и микроуровня, взаимодействие которых служит движущей силой преобразования общественного устройства” [Заславская, 2002а: с. 14]. Эффективность трансформационной структуры общества можно определить по отношению социальных сил, влияющих своей деятельностью на демократические преобразования общества, к таким, которые способствуют сохранению архаичных общественных институтов, или к таким, которые ведут к деструкции институциональной системы в целом. Для объемного описания трансформационной структуры общества было определено понятие уровня трансформационного процесса и его акторов. В концепции Т.И.Заславской под макроуровнем трансформационного процесса понимается “системное преобразование базовых институтов общества (власти, собственности, гражданского общества, прав и свобод человека), изменяющее принципиальные правила игры, а в конечном счете и социетальный тип общества” [Заславская, 2007**, т. 2: с. 233]. Акторами данного уровня являются группы, обладающие большей частью властных, административно-правовых и экономических ресурсов общества. Специфика российских реалий такова, по мнению Т.И.Заславской, что к этой группе акторов относятся и руководители орга-

низованной преступности, обладающие властью порой не меньшей, чем официальная элита.

Под микроуровнем трансформационного процесса в концепции Т.И.Заславской понимается “существенное изменение базовых социальных практик” [Заславская, 2007д: т. 2, с. 233]. Акторами данного уровня являются индивиды, группы, организации. Их действия, с одной стороны, являются ответом на проводимые сверху реформы и преобразования, с другой — самостоятельным фактором преобразования институтов.

Связующим звеном между макро- и микроуровнями трансформационного процесса, по мнению Т.И.Заславской, является его мезоуровень. На этом уровне осуществляются качественные преобразования отдельных элементов базовых институтов, а также относительно целостных периферийных институтов. Масштаб преобразований носит региональный или отраслевой характер. К этому же уровню Т.И.Заславская относит и преобразования отраслей социальной сферы. Акторами данного уровня являются “политические, экономические, административные и гражданские структуры регионального и ведомственного уровня” [Заславская, 2007д: т. 2, с. 234].

Основной движущей силой социетальной трансформации Т.И.Заславская считала взаимодействие ее акторов (субъектов). По определению Г. Г. Дилигенского, “феномен социального актора — одно из проявлений социальности человека, он предполагает способность и волю людей к устойчивому объединению, т.е. определенные мотивационно-волевые свойства личности и определенные свойства культуры, стимулирующие данный тип социального взаимодействия” [Дилигенский, 2001: с. 411].

Т.И.Заславская разграничивала понятия “актор” и “субъект” в зависимости от целей и направленности исследования индивидов в трансформационном процессе. В некоторых случаях обладать выраженными свойствами субъектности может лишь часть акторов, в иных — лишь часть субъектов являются акторами конкретных действий. “В качестве акторов трансформационного процесса имеет смысл рассматривать тех социальных субъектов, действия которых непосредственно вызывают или косвенно влекут за собой сдвиги в базовых институтах общества (независимо от осознания этого самими субъектами)” [Заславская, 2001: с. 6].

В зависимости от уровня исследования, проводимого в соответствии с деятельностно-структурной парадигмой, в качестве акторов могут выступать индивиды, семьи, группы, организации, корпоративные общности, региональные общности и даже страны. В своей концепции Т.И.Заславская предложила использовать понятие “актор” применительно только к индивидам, действующим на соответствующем уровне трансформационного процесса. В соответствии с этим положением было предложено относить понятия микро-, мезо-, макро “не к масштабам социальных субъектов (от индивидов до макрообщностей), а к тем уровням трансформационного процесса, на котором действуют индивиды)” [Заславская, 2001: с. 6].

В социологической науке на время создания концепции социетальной трансформации российского общества уже достаточно были разработаны макро- и микроуровни его исследования. Т.И.Заславская разделяла мнение П. Штомпки о том, что “проблема макроэффекта микрособытий, равно как и противоположная проблема — микроэффекта макрособытий, требует специального тщательного и глубокого исследования” [Штомпка, 1996: с. 30].

В 2004 году она вплотную приблизилась к микроконцептуализации отдельных составляющих макроконцепции социетальной трансформации российского общества: особый акцент был сделан Т.И.Заславской на изучении социальных акторов мезоуровня.

С одной стороны, акторы мезоуровня испытывают воздействие акторов макроуровня, которые определяют условия и направления их деятельности, с другой — “они выполняют важную функцию передачи социальной информации с макро- на микроуровень общества и обратно” [Заславская, 2001: с. 11]. Акторы мезоуровня в процессе освоения и использования правил игры, предлагаемых им акторами макроуровня, активно корректируют, дополняют и приспособливают эти правила к своим интересам. Именно они осуществляют практические инновации в хозяйствовании, в предпринимательстве и социальной сфере, проявляют интеллектуальную и информационную активность, создают элементы гражданского общества. Совокупная деятельность мезоакторов в этих направлениях оказывает влияние на трансформационный процесс: они “*подталкивают* реальное преобразование институциональной системы в тех или иных направлениях” [Заславская, 2001: с. 11]. По классификации Т.И.Заславской, к акторам мезоуровня трансформационного процесса относятся руководители региональных и местных органов управления, директора и владельцы предприятий и фирм, ответственные работники учреждений социальной сферы, начальники воинских частей и т.п. Акторы этого уровня не принадлежат к среднему классу в западном понимании, но “со временем будут способны взять на себя его функции” [Шабанова, 2004: с. 149]. Однако именно на этом уровне неправоновые практики получили наибольшее распространение, организуются неформальные сети и схемы, позволяющие мезоакторам действовать в обход законов, что вызывает лавинообразный рост неправоновых практик на микроуровне.

Т.И.Заславская считала, что движущей силой и главным инструментом борьбы за институциональные перемены служит трансформационная активность индивидуальных и коллективных акторов и определяла ее как “совокупность социально-инновационных действий, являющихся преимущественно рациональным ответом социальных акторов на вызываемое реформами изменение условий их жизнедеятельности и ведущих к изменению базисных социальных практик” [Заславская, 2000: с. 14–15]. Была разработана классификация поведенческих стратегий акторов трансформационного процесса. В зависимости от целей, мотивов и средств их реализации выделены четыре класса стратегий: 1) достижительные; 2) адаптационные; 3) регрессивные; 4) разрушительные. Зависимо от функций в трансформации общества Т.И.Заславская выделила три класса поведенческих стратегий: 1) конструктивный; 2) деструктивный; 3) смешанный, неоднозначный.

Многолетние исследования Т.И.Заславской трансформационного процесса в России показали, что при всей неоднозначности результатов реформ происходят позитивные преобразования в обществе в целом и в сфере российской экономики в частности. Для успешной модернизации экономики, которую Т.И.Заславская считала материальной основой общества, нужны акторы, демонстрирующие достижительную, конструктивную поведенческую стратегию, составляющие “профессиональный и интеллектуальный авангард российского бизнес-сообщества, от расширения численности и по-

вышения социального качества которого во многом зависят направления и темпы развития национального хозяйства” [Заславская, 2006: с. 27].

Под руководством Т.И.Заславской, в соавторстве с Э.Н.Крылатых и М.А.Шабановой, были проведены четыре волны уникального исследования “авангардной” группы относительно молодых, образованных и преуспевающих предпринимателей и менеджеров, большую часть которых можно назвать, по классификации Т.И.Заславской, акторами мезоуровня. В России, также как и в Украине, определенные слои и группы населения малодоступны для широкомасштабных эмпирических исследований и практически не попадают в массовые опросы, а если и попадают, то их доля практически приближается к размеру статистической погрешности. К таким группам относится и изучаемая в данном исследовании. Генеральную совокупность исследования составили слушатели программы MBA (Master of Business Administration), реализуемой Российской академией народного хозяйства при Президенте РФ. Было опрошено в 2004 году — 1016 человек, в 2006 году — 1445 человек, в 2008 году — 1279 человек, в 2010 году — 1104 человека, что в разные годы составляло от 53 до 61% генеральной совокупности [Заславская, 2012: с. 6].

В исследовании зафиксированы определенные профессионально-деловые и статусные особенности изучаемой группы: их отличает относительная молодость на фоне весьма солидного стажа работы в бизнесе. Изучаемую группу отличает высокий уровень бизнес-образования и установка на его повышение. По данным 2010 года 69% повышали свою квалификацию, в том числе за рубежом — 21%.

Изучаемой совокупности присущ “довольно высокий профессионально-должностной и социально-экономический статус, высокая самооценка и удовлетворенность достигнутыми деловыми позициями” [Заславская, 2012: с. 8]. Топ-менеджеры (генеральные директора, директора, их заместители, руководители филиалов) составляли 50% слушателей программы в 2010 году, а в 2004–2008 годах — 60%, около 39% являлись руководителями подразделений или функциональными менеджерами. Из всей совокупности пятую часть составляли собственники и совладельцы фирм [Заславская, 2011: с. 16]. К среднему слою относили себя 55% респондентов, к социальным слоям выше среднего — 39%. По данным 2010 года, удовлетворенность достигнутым социальным статусом и уровнем реализации способностей высока: 77% респондентов способны в “полной” или “достаточной” мере реализовать свои способности, а 68% оценивают достигнутый должностной статус как соответствующий их возможностям и намерениям. Вполне очевидно, что процент от опрошенных в 2008–2010 годах — 68%, которые считают, что их заработная плата (доход) соответствует вкладу в деятельность фирмы, несколько снизился по сравнению с докризисными опросами 2004 и 2006 годов — до 76% и 74% соответственно. Однако даже в разгар экономического кризиса этот показатель остался достаточно высоким. Т.И.Заславская констатировала, что большинству исследуемых “удается успешно конвертировать свой человеческий потенциал в статусно-должностные, экономические и другие значимые ресурсы” [Заславская, 2012: с. 9].

В системе ценностных ориентаций все более важными слушатели программы MBA считают достигательные ценности. Если в 2008 году 47% считали ценностью “деловой и профессиональный успех, удачную карьеру”, то

в 2010-м таких уже было 59%. Важной жизненной ценностью является “самостоятельность, независимость, управление своей судьбой” — практически для 50% респондентов во всех волнах исследования.

Не менее важным респонденты считают “высокие доходы, материальный достаток, благосостояние семьи”: в 2008 году — 54%, в 2010 году — 43%. В то же время успешные акторы трансформационного процесса все большее значение придают таким базовым человеческим ценностям, как “семейное счастье, любовь, дети”: в 2008 году — 52%, в 2010 — уже 66%. Эти ценности, по мнению Т.И.Заславской, “можно рассматривать как важные предпосылки (или условия) реализации самостоятельности и независимости” [Заславская, 2011: с. 17]. Деловой и профессиональный успех, удачную карьеру можно считать средством ее достижения.

В исследовании было отмечено, что в остропроблемной институциональной среде респонденты демонстрируют “высокий инновационно-деятельностный потенциал”. В 2008 году 53%, а в 2010 уже 60% опрошенных совершали инновационные действия: разрабатывали или участвовали в разработке и внедрении передовых технологий; осваивали или принимали участие в освоении новых видов продукции и услуг; осуществляли успешные организационные новации; создавали собственный успешный бизнес. Успешное рыночное продвижение удалось осуществить в 2008 году 49% респондентов, в 2010 году деятельность уже 56% привела к существенному увеличению объема продаж и доходов компаний; выходу их на новые рынки, открытию новых филиалов и представительств, повышению качества и росту конкурентоспособности продукции, а также легализации части теневых операций и освоению норм цивилизованного бизнеса. Можно отметить, что экономический кризис послужил дополнительным стимулом деловой активности респондентов.

Кроме личностных и деловых качеств активных экономических акторов трансформационного процесса Т.И.Заславская исследовала и некоторые из социальных качеств: уровень и характер консолидации, уровень доверия к институтам и друг к другу, особенности правового сознания и поведения, политическую активность.

Исследование показало, что данной группе предпринимателей и менеджеров присущ так называемый асоциальный синдром, который выражается в “отсутствии культуры совместного действия и стремления к самоорганизации даже для защиты своих общих интересов” [Заславская, 2012: с. 10]. В оценке степени развития деловой среды по пятибалльной шкале, где 1 — нулевая, 2 — низкая, 3 — средняя, 4 — высокая, 5 — очень высокая степень развития, степень влияния предпринимательских союзов на успешность деятельности оценили как нулевую и низкую в 2008 году 49%, а в 2010 году уже 63% респондентов. Соответственно уменьшилось количество высоко оценивающих степень влияния формальных объединений — с 14% до 12%. Данный факт свидетельствует о непрозрачности и неопределенности правил игры в отношениях власти с бизнесом.

В то же время усиливается влияние неформальных солидарностей, деловых сетей и связей: с 2008 по 2010 год с 66% до 73% возросло количество бизнесменов, оценивающих их роль как высокую и очень высокую. Как положительный результат данного явления можно рассматривать возрастные роли деловой репутации: как высокую и очень высокую ее оценили в

2008 году 72%, а в 2010 — уже 74% респондентов. Все большее количество респондентов придают большее значение степени влияния строгости соблюдения деловых обязательств и этики (рост с 41% до 54% соответственно), уровню взаимного доверия бизнесменов (рост с 26% до 33% соответственно) и взаимопомощи постоянных партнеров (рост с 29% до 38% соответственно). Такие данные свидетельствуют о повышении деловой культуры, цивилизованности российского бизнеса. Т.И.Заславская считала, что приведенные выше результаты исследования свидетельствуют о “спонтанной кристаллизации продвинутой части экономических акторов как особой *социально-деловой общности*” [Заславская, 2012: с. 13].

Изучение особенностей правового сознания и поведения исследуемой группы показало и иную сторону усиления неформальных солидарностей и связей. Если в 2006 году 74% респондентов сталкивалось с нарушением своих законных прав в деловой сфере, то к 2010 году количество их возросло до 78%. При решении возникших проблем только неформальные способы использовали в 2006 году 75%, а в 2010 — 58%. Формальные способы выхода из сложившейся ситуации использовали в 2006 году 5% занятых в бизнесе, в 2010 — 14%. Остальные опрошенные предпочитали совмещать вышеуказанные способы. Наблюдается рост числа предпринимателей, которые стараются решать имеющиеся проблемы в рамках правового поля. Рассматривая ситуацию в целом, Т.И.Заславская сделала вывод о том, что “длительное функционирование в бизнес-среде, пронизанной неправоправными практиками, не может не отразиться на правовом сознании даже самых образованных и экономически продвинутых экономических акторов” [Заславская, 2012: с. 13].

Исследование уровня институционального и взаимного доверия показало, что за все годы наблюдения успешные экономические акторы демонстрируют низкий уровень первого и достаточно высокий — второго. По пятибалльной шкале, где 1 — совсем не доверяю, а 5 — полностью доверяю, уровень доверия местным органам власти, судебной системе (без арбитражного суда) и милиции равен 2 баллам. Уровень доверия Правительству РФ и арбитражному суду немного выше и равен 3 баллам. По мнению Т.И.Заславской, “крайне низкий уровень институционального доверия — важный сигнал неблагополучия современной деловой среды, наличия большого числа барьеров и ограничений не только для эффективной деятельности, но и для становления более цивилизованного бизнеса” [Заславская, 2012: с. 16].

Данные опроса не подтвердили распространенное в российской социологии мнение о крайне низком уровне взаимного доверия в бизнес-среде. Так, уровень доверия подчиненным стабильно за годы всех наблюдений по той же шкале равен 4 баллам, с 3 баллов в 2006 году до 4 баллов в 2008–2010 годах вырос уровень доверия партнерам и контрагентам. “В весьма непростой институциональной среде высокие уровни межфирменного и внутрифирменного доверия выступают значимыми факторами (ресурсами) делового успеха и важными атрибутами продвижения к более цивилизованному бизнесу” [Заславская, 2012: с. 16].

Интересные и несколько неожиданные данные получила Т.И.Заславская при исследовании политической активности совокупности предпринимателей и бизнесменов: 23% опрошенных вообще политикой не интересуются, ограничиваются отслеживанием информации о политических со-

бытиях 56%, вопросы политики обсуждают с друзьями и коллегами 46%, в выборах представительной власти участвуют лишь 22% респондентов. При этом 37% респондентов отметили, что им не близка никакая идеология. Около трети сообщили, что им близка социал-демократическая идеология, приверженцев либеральной идеологии оказалось 16%, умеренно-государственную идеологию поддерживают 11%. Количество респондентов, поддерживающих авторитарно-силовую, националистическую и коммунистическую идеологии, в сумме не превысило 4% [Заславская, 2012: с. 17]. Причем политические ориентации слушателей программы МВА остаются достаточно стабильными на протяжении всего периода наблюдений. Т.И.Заславская считала, что «с точки зрения возможных демократических реформ, они достаточно перспективны. Но чтобы авангард делового сообщества стал ощутимой политической силой, желательно создание партии или хотя бы сильного общественного движения, выражающего жизненные интересы бизнеса и способного активно бороться с теми силами, которые препятствуют как поступательному развитию экономики, так и становлению правового демократического государства» [Заславская, 2011: с. 24].

Т.И.Заславская работала над развитием и усовершенствованием концепции социетальной трансформации общества. Соглашаясь с И. Роксборо в том, что в наше время модернизацию следует понимать как возрастание способностей к преобразованию, Т.И.Заславская определила сущность трансформационных процессов как «возрастание способности общества к социальным преобразованиям» [Заславская, 2008: с. 12], а «главное направление модернизации как повышение конкурентоспособности общества в глобализирующемся и непредвиденно изменяющемся мире» [Заславская, 2008: с. 12]. Оценка уровня и динамики конкурентоспособности трансформирующихся обществ дает представление об успешности или неуспешности их развития, несколько зафиксированных «срезов» позволяют выявить тенденции этого развития и спрогнозировать его дальнейшее направление. Констатируя, что надежной методологии такой оценки в социологической науке еще не существует, Т.И.Заславская предложила оценивать уровень конкурентоспособности, устойчивости и динамизма современных трансформирующихся обществ по продвижению по трем осям, характеризующим социетальное пространство трансформационных процессов российского общества. Для этой цели она конкретизировала понятие осей трехмерного социетального пространства. В 2008 году Т.И.Заславская в результате детального изучения человеческого потенциала российского общества пришла к выводу, что современные трансформационные процессы протекают в трехмерном социетальном пространстве, осями которого служат:

- 1) не просто уровень развития человеческого потенциала изучаемых обществ, а «*уровень человеческого потенциала* обществ как макро-субъектов и макроакторов саморазвития и трансформации»;
- 2) не обобщенное качество социально-групповой структуры, а «*легитимность и динамизм социально-групповой структуры*, позволяющие обществам успешно реализовывать свой человеческий потенциал»;
- 3) не обобщенная эффективность институциональной системы, а «*эффективность институциональных систем*, проявляющаяся в способности политических, правовых, экономических, социальных и иных институтов направлять энергию индивидов, организаций и

групп в творческое социально конструктивное русло” [Заславская, 2008: с. 13].

При этом был сделан вывод о том, что для успешной динамики необходимо продвижение одновременно по трем векторам: высокий уровень одной или двух из вышеназванных характеристик не обеспечивает успешного трансформационного развития общества, его конкурентоспособности.

Степень влияния предложенных взаимосвязанных характеристик социетального трансформационного пространства на успешность процесса преобразований и повышения уровня конкурентоспособности общества различна. Целенаправленное преобразование базовых институтов в меньшей степени влияет на конкурентоспособность общества, чем полустихийное изменение его социально-групповой структуры. Самое большое влияние на успешность трансформационного процесса, по мнению Т.И.Заславской, оказывает слабоуправляемое изменение уровня человеческого потенциала общества.

Изучение строения и принципов функционирования социального механизма трансформации посткоммунистических обществ позволило Т.И.Заславской сделать вывод о том, что в основе изменения социетальных характеристик общества лежит своего рода “клубок” переплетающихся процессов изменения массовых социальных практик. Таким образом, изучение характера изменения массовых социальных практик в трансформирующемся обществе дает возможность спрогнозировать направление преобразования общественных институтов, изменение социально-групповой структуры и снижение или повышение уровня человеческого потенциала.

Основным фактором изменения повседневных социальных практик Т.И.Заславская считала “активность не столько элиты и верхнего слоя, сколько среднего, базового и нижнего слоев, составляющих основную часть общества” [Заславская, 2008: с. 18]. Исследования успешных экономических акторов трансформационного процесса в России наглядно показали, что становление новых экономических институтов одновременно явилось и следствием, и причиной их активности. Были сделаны выводы о непосредственном влиянии социальных качеств и ресурсов, которыми обладают субъекты трансформационной активности, на способы их деятельности и поведения.

Анализ российского трансформационного процесса в 2005–2012 годах, изложенный Т.И.Заславской в многочисленных докладах и интервью, был сделан ею на основе собственной концепции социетальной трансформации российского общества и подтвердил факт наличия большого прогностического потенциала данной концепции. Еще в 2001 году она высказала предположение о возможности трех сценариев развития России: “1) авторитарно-силовой сценарий, предполагающий резкое усиление государства, повышение роли силовых структур, ужесточение контроля за рыночным сектором экономики, расширение репрессивных и сужение демократических практик; 2) консервативно-государственнический сценарий, означающий формальное сохранение рыночных отношений и демократических процедур при значительном усилении контрольных функций бюрократии в экономике и других сферах общественной жизни; 3) полукриминальный олигархический сценарий, означающий воспроизводство (в новых формах) квазидемократического и квазирыночного режима, сложившегося в период правления Б.Ельцина, затягивание ситуации смутного времени” [Заславская, 2001: с. 9].

История развития российского общества подтвердила правильность ее прогнозов. Так, в интервью ИА УНИАН она отмечала: “за период правления Путина укрепилась олигархическая система, я бы сказала, достаточно низкого пошиба” [Заславская, 2008]. Была выстроена жесткая вертикаль власти, при которой страна стала управляемой, но не на демократических принципах, о чем свидетельствовали выборы Президента. При разрастании армии чиновников повсеместно и на всех уровнях наблюдается “тотальная коррупция”. Исследования Т.И.Заславской показали, что “Россия — это сочетание олигархического устройства общества с выстроенной системой коррупции” [Заславская, 2008]. Происходит дискредитация и уничтожение оппозиции. При этом поощряются ростки изоляционизма и ксенофобии. Эти процессы происходят на фоне увеличивающегося разрыва в доходах бедных и богатых. С учетом теневой экономики, по данным Т.И.Заславской, коэффициент разницы доходов достигает 30–40. Позже она отмечала, что современное “институциональное развитие российского общества и экономики модернизациям и инновациям не способствует” [Заславская, 2012]. По мнению Т.И.Заславской, русская культура все еще несет на себе “отпечаток многовекового рабства большинства населения – сначала царского, а потом советского “крепостничества”” [Заславская, 2012]. Не окончательно сформировались ценности, присущие развитым демократическим обществам, о чем свидетельствуют международные исследования ценностей, в которых принимает участие Россия. Все это тормозит развитие российской экономики, которая, как считает Т.И.Заславская, является базовым институтом: “модернизация экономики невозможна без модернизации общества” [Заславская, 2012]. Однако самой серьезной преградой на пути трансформационного развития она считает государственный авторитаризм и то, что всепроникающая вездесущая коррупция делает “разговор о правовом государстве бессмысленным”. По мнению Т.И.Заславской, “реальной борьбы с коррупцией пока нет и, наверное, еще долго не будет, потому что коррумпирована вся пирамида власти. А значит, “социальные лифты” заработают еще не скоро” [Заславская, 2012].

Таким образом, рассматривая нынешние итоги социальных изменений в российском обществе в рамках концепции Т.И.Заславской, можно сделать вывод о том, что трансформационный процесс еще далек от завершения, хотя и приобрел несколько иные черты, чем на первоначальном этапе.

Выводы

Т.И.Заславская, изучая трансформационные процессы в российском обществе в рамках деятельностно-структурной парадигмы, создала макроконцепцию его развития. Ею были разработаны базовые понятия концепции: социальная трансформация, типологическое пространство трансформационного процесса, социальный механизм трансформации общества, социально-трансформационная структура общества, трансформационная активность, уровни и акторы трансформационного процесса.

Микроконцептуализация развития отдельных составляющих трансформационного процесса подтвердила основополагающее значение возрастания человеческого потенциала для позитивного развития социальных изменений российского общества. В ходе уникального исследования ею было

зафиксировано наличие экономических мезоакторов, обладающих данными качествами, что дает надежду на успешное развитие процесса модернизации и демократизации России.

Концепция социетальной трансформации российского общества Т.И.Заславской применима для оценки, сравнения и прогнозов успешности выбранного направления трансформации в различных странах бывшего социал-демократического лагеря.

Концепция социетальной трансформации российского общества Т.И.Заславской дает целостное представление о современных трансформационных процессах, их движущих силах и механизмах, намечает пути к созданию фундаментальной теории социальных изменений в трансформирующихся постсоветских обществах.

Источники

Бабенко С. Сравнительный социологический анализ посткоммунистических трансформационных процессов (программа магистерского курса) / Светлана Бабенко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2007. — № 4. — С. 180–201.

Бабенко С. С. Социальные механизмы трансформации постсоветского общества: теоретический анализ концепции / С. С. Бабенко // Проблеми розвитку соціологічної теорії. Соціальні процеси в Україні : IV Всеукр. соціолог. конф., грудень 2004 р., м. Київ : наук. доп. і повідом. — К. : Інститут соціології НАН України, 2005. — С. 118–123.

Бабенко С. С. Социальный механизм постсоветской трансформации: деятельностно-структурный подход / С. С. Бабенко // Посткоммунистические трансформации: векторы, направления, содержание / под ред. О. Куценко, С. Бабенко. — Х. : Изд. центр ХНУ им. В. Н. Каразина, 2004а. — С. 251–274.

Бабенко С. С. Соціокультурний потенціал трансформації пострадянського суспільства / С. С. Бабенко : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. соціол. наук : спеціальність 22.00.01 “Теорія та історія соціології”. — Х., 2004б. — 21 с.

Грушин Б. На дальних и ближних подступах к созданию ВЦИОМа / Борис Грушин // Общественный разлом и рождение новой социологии: двадцать лет мониторинга. — М. : Новое изд-во, 2008. — С. 18–24. — (Новая история).

Дилигенский Г. Г. К проблеме социального актора в России / Г. Г. Дилигенский // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Моск. высш. шк. социал. и экон. наук, 2001. — С. 410–418.

Заславская Т. В период Путина утвердился олигархия довольно низкого пошиба [Электронный ресурс] : интервью / Татьяна Заславская // ИА УНИАН. — 2008в. — 23 мая. — Режим доступа : <http://www.ryzkov.ru/publications.php?id=7862>.

Заславская Т. ВЦИОМ/Левада-центр: 20 лет в первопроходках [Электронный ресурс] : интервью / Т. Заславская // Радио Свобода. — 2007в. — 22 февр. — Режим доступа : <http://www.svobodanews.ru/articleprintview/379302.html>.

Заславская Т. И. Авангард российского делового сообщества: гендерный аспект / Т. И. Заславская // Социологические исследования. — 2006. — № 4. — С. 26–37.

Заславская Т. И. Базовые характеристики современного российского общества / Т. И. Заславская // Избранное : в 3 т. — М. : Экономика, 2007г. Т. 2 : Трансформационный процесс в России: в поисках новой методологии. — 2007. — С. 315–427.

Заславская Т. И. Избранное : в 3 т. / Заславская Т. И. — М. : Экономика, 2007а. Т. 2 : Трансформационный процесс в России: в поисках новой методологии. — 2007. — 591 с.

Заславская Т. Имидж не на вывоз [Электронный ресурс] : интервью / Т. Заславская // Российская газета. — 2012в. — № 5880, 10 сент. — (Федеральный выпуск). — Режим доступа : <http://www.rg.ru/2012/09/09/zaslavskaya-poln.html>.

Заславская Т. И. Нам очень хотелось создать настоящую науку / Т. И. Заславская // Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. Г. С. Батыгин. — СПб. : Изд-во РГХИ, 1999. — С. 132–155.

Заславская Т. И. О принципах разработки программы конкретного социологического исследования (на примере трудовой мобильности) / Заславская Т. И. // Избранное : в 3 т. — М. : Экономика, 2007б. Т. 2 : Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. — 2007. — С. 460–524.

Заславская Т. И. О смысле и предварительных итогах российской трансформации / Т. И. Заславская // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2003. — С. 390–397.

Заславская Т. И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России / Т. И. Заславская // Социологические исследования. — 2002б. — № 8. — С. 3–16.

Заславская Т. И. О социальных акторах модернизации России / Т. И. Заславская // Общественные науки и современность. — 2011. — № 3. — С. 13–25.

Заславская Т. И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса / Т. И. Заславская // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2001. — С. 3–15.

Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации : учеб. пособие / Заславская Т. И. — М. : Дело, 2004. — 400 с.

Заславская Т. И. Социально-трансформационная структура общества / Т. И. Заславская // Избранное : в 3 т. — М. : Экономика, 2007д. Т. 2 : Трансформационный процесс в России: в поисках новой методологии. — 2007. — С. 223–259.

Заславская Т. И. Социальные трансформации в России / Т. И. Заславская, В. А. Ядов // Социологический журнал. — 2008б. — № 4. — С. 8–22.

Заславская Т. И. Социальный механизм трансформации российского общества / Т. И. Заславская // Социологический журнал. — 1995. — № 3. — С. 5–21.

Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция / Т. И. Заславская. — М. : Дело, 2002а. — 568 с.

Заславская Т. И. Социология экономической жизни. Очерки теории / Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина ; АН СССР ; Сибир. отделение ; Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва. — Новосибирск : Наука : Сибир. отделение, 1991. — 448 с.

Заславская Т. И. Успешные экономические акторы как потенциальная модернизационная общность / Т. И. Заславская, М. А. Шабанова // Общественные науки и современность. — 2012а. — № 4. — С. 5–23.

Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т. И. Заславская // Общественные науки и современность. — 2005а. — № 3. — С. 3–16.

Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т. И. Заславская // Общественные науки и современность. — 2005б. — № 4. — С. 13–25.

Заславская Т. Как рождался ВЦИОМ / Татьяна Заславская // Общественный разлом и рождение новой социологии: двадцать лет мониторинга. — М. : Новое изд-во, 2008а. — С. 11–17. — (Новая история).

Заславская Т. Социальные факторы развития России [Электронный ресурс] : интервью / Т. Заславская // SPERO. — 2012б. — № 12. — Режим доступа : <http://www.opes.ru/1355179.html>.

Куценко О. Д. Деятельностно-структурная парадигма общества как саморазвивающейся системы / О. Д. Куценко // Проблеми розвитку соціологічної теорії. Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства : II Всеукр. соціологічної конф. : наук. доп. і повідом. — К. : Інститут соціології НАН України, 2002. — С. 49–54.

Куценко О. Д. Діяльнісно-структурний потенціал трансформаційного процесу: до розробки концепції класоутворення : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора соц. наук : спец. 22.00.01 “Теорія та історія соціології” / О. Д. Куценко. — Х., 2001. — 35 с.

Куценко О. Д. Фазы и пути системных трансформаций: подобия и различия в бывших странах государственного социализма / О. Д. Куценко // Посткоммунистические трансформации: векторы, направления, содержание / под ред. О. Куценко, С. Бабенко. — Х. : Издат. центр ХНУ им. В. Н. Каразина, 2004. — С. 11–82.

Левада-Центр. Вестник общественного мнения [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.levada.ru/zhurnal.html>.

Петрушина Т. О. Социально-экономическое поведение населения Украины в условиях институциональных перемен / Т. О. Петрушина. — К. : Институт социологии НАН Украины, 2008. — 544 с.

Резнік О. С. Громадянські практики в перехідному суспільстві: чинники, суб’єкти, способи реалізації / О. С. Резнік. — К. : ІС НАНУ, 2011. — 336 с.

Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений [Электронный ресурс] : докл. Т. И. Заславской и В. А. Ядова на открытии III Социологического конгресса. — 2008. — 21 окт. — Режим доступа : <http://www.polit.ru/2008/10/29soctransformations.html>.

Социологический мониторинг (беседа с акад. Т. И. Заславской) // Социологические исследования. — 1994. — № 1. — С. 6–12.

Шабанова М. А. Посткоммунистический трансформационный процесс в России: “механизменная” перспектива анализа / М. А. Шабанова // Социологические исследования. — 2004. — № 1. — С. 142–151.

Штомпка П. Социология социальных изменений / Штомпка П.; пер. с англ. ; под ред. В. А. Ядова. — М. : Аспект-Пресс, 1996. — 416 с.

Ядов В. А. Методология и процедура социологических исследований / Ядов В. А. — Тарту : Тарт. гос. ун-т, 1968. — 281 с.

Machonin P. Social Transformation and Modernization. To Constructing the Theory of Social Changes in the Postcommunist Countries / Machonin P. — Praha, 1997. — 155 p.